

Телешов Николай Дмитриевич

Елка Митрича

Николай Дмитриевич Телешов

ЕЛКА МИТРИЧА

Из цикла "Переселенцы".

I

Был канун рождества...

Сторож переселенческого барака, отставной солдат, с серою, как мышьяная шерсть, бородою, по имени Семен Дмитриевич, или попросту Митрич, подошел к жене и весело проговорил, попыхивая трубочкой:

- Ну, баба, какую я штуку надумал!

Аграфене было некогда; с засученными рукавами и расстегнутым воротом она хлопотала в кухне, готовясь к празднику.

- Слышь, баба, - повторил Митрич. - Говорю, какую я штуку надумал!

- Чем штуки-то выдумывать, взял бы метелку да вон паутину бы снял! ответила жена, указывая на углы. - Вишь, пауков развели. Пошел бы да смёл!

Митрич, не переставая улыбаться, поглядел на потолок, куда указывала Аграфена, и весело сказал:

- Паутина не уйдет; смету... А ты, слышь-ка, баба, что я надумал-то!

- Ну?

- Вот те и ну! Ты слушай.

Митрич пустил из трубки клуб дыма и, погладив бороду, присел на лавку.

- Я говорю, баба, вот что, - начал он бойко, но сейчас же запнулся. - Я говорю, праздник подходит...

И для всех он праздник, все ему радуются... Правильно, баба?

- Ну?

- Ну вот я и говорю: все, мол, радуются, у всякого есть свое: у кого обновка к празднику, у кого пиры пойдут... У тебя, к примеру, комната будет чистая, у меня тоже свое удовольствие: винца куплю себе да колбаски!..

У всякого свое удовольствие будет, - правильно?

- Так что ж? - равнодушно сказала старуха.

- А то, - вздохнул снова Митрич, - что всем будет праздник как праздник, а вот, говорю, ребятишкам-то, выходит, и нет настоящего праздника... Поняла?.. Оно праздник-то есть, а удовольствия никакого... Гляжу я на них, да и думаю; эх, думаю, неправильно!.. Известно, сироты... ни матери, ни отца, ни родных... Думаю себе, баба:

нескладно!.. Почему такое - всякому человеку радость, а сироте - ничего!

- Тебя, видно, не переслушаешь, - махнула рукой Аграфена и принялась мыть скамейки.

Но Митрич не умолкал.

- Надумал я, баба, вот что, - говорил он, улыбаясь, - надо, баба, ребятишек потешить!.. Потому видал я много народу, и наших и всяких людей видал... И видал, как они к празднику детей забавляют. Принесут, это, елку, уберут ее свечками да гостинцами, а ребятки-то ихние просто даже скачут от радости!.. Думаю себе, баба: лес у нас близко... срублю себе елочку да такую потеху ребятишкам устрою, что весь век будут Митрича поминать!

Вот, баба, какой умысел, а?

Митрич весело подмигнул и чмокнул губами.

- Каков я-то?

Аграфена молчала. Ей хотелось поскорее прибрать и вычистить комнату. Она торопилась, и Митрич с своим разговором ей только мешал.

- Нет, каков, баба, умысел, а?

- А ну те с твоим умом! - крикнула она на мужа. - Пусти с лавки-то, чего засел! Пусти, некогда с тобой сказки рассказывать!

Митрич встал, потому что Аграфена, окунув в ведро мочалку, перенесла ее на скамью прямо к тому месту, где сидел муж, и начала тереть. На пол полились струи грязной воды, и Митрич смекнул, что пришел невпопад.

- Ладно, баба! - проговорил он загадочно. - Вот устрою потеху, так небось сама скажешь спасибо!.. Говорю, сделаю - и сделаю! Весь век поминать будут Митрича ребятишки!..

- Видно, делать-то тебе нечего.

- Нет, баба! Есть что делать: а сказано, устрою - и устрою! Даром что сироты, а Митрича всю жизнь не забудут!

И, сунув в карман потухшую трубку, Митрич вышел во двор.

II

По двору, там и сям, были разбросаны деревянные домики, занесенные снегом, забитые досками; за домиками раскидывалось широкое снежное поле, а дальше виднелись верхушки городской заставы... С ранней весны и до глубокой осени через город проходили переселенцы. Их бывало так много, и так они были бедны, что добрые люди выстроили им эти домики, которые сторожил Митрич.

Домики бывали все переполнены, а переселенцы между тем все приходили и приходили. Деваться им было некуда, и вот они раскидывали в поле шалаши, куда и прятались с семьей и детьми в холод и непогоду. Иные жили здесь неделю, две, а иные больше месяца, дожидаясь очереди на пароходе. В половине лета здесь набиралось народа такое

множество, что все поле было покрыто шалашами. Но к осени поле мало-помалу пустело, дома освобождались и тоже пустели, а к зиме не оставалось уже никого, кроме Митрича и Аграфены да еще нескольких детей, неизвестно чьих.

- Вот уж непорядок, так непорядок! - рассуждал Митрич, пожимая плечами. - Куда теперь с этим народом деваться? Кто они такие? Откуда явились?

Вздыхая, он подходил к ребенку, одиноко стоявшему у ворот.

- Ты чей такой?

Ребенок, худой и бледный, глядел на него робкими глазами и молчал.

- Как тебя звать? - Фомка.

- Откуда? Как деревню твою называют?

Ребенок не знал.

- Ну, отца как зовут?

- Тятка.

- Знаю, что тятка... А имя-то у него есть? Ну, к примеру, Петров или Сидоров, или, там, Голубев, Касаткин?

Как звать-то его?

- Тятка.

Привычный к таким ответам, Митрич вздыхал и, махнув рукою, более не допытывался.

- Родителей-то знать, потерял, дурачок? - говорил он, глядя ребенка по голове. - А ты кто такой? - обращался он к другому ребенку. - Где твой отец?

- Помер.

- Помер? Ну, вечная ему память! А мать куда девалась?

- Померла.

- Тоже померла?

Митрич разводил руками и, собирая таких сирот, отводил их к переселенческому чиновнику. Тот тоже допрашивал и тоже пожимал плечами.

У одних родители умерли, у других ушли неизвестно куда, и вот таких детей на эту зиму набралось у Митрича восемь человек, один другого меньше. Куда их девать?

Кто они? Откуда пришли? Никто этого не знал.

"Божьи дети!" - называл их Митрич.

Им отвели один из домов, самый маленький. Там они жили, и там затеял Митрич устроить им ради праздника елку, какую он видывал у богатых людей.

"Сказано, сделаю - и сделаю! - думал он, идя по двору. - Пускай сиротки порадуются! Такую потеху сочиню, что весь век Митрича не забудут!"

Прежде всего он отправился к церковному старосте.

- Так и так, Никита Назарыч, я к вам с усерднейшей просьбой. Не откажите доброму делу.

- Что такое?

- Прикажете выдать горсточку огарков... самых ма

хоньких... Потому как сироты... ни отца, ни матери... Я, стало быть, сторож переселенский... Восемь сироток осталось... Так вот, Никита Назарыч, одолжите горсточку.

- На что тебе огарки?

- Удовольствие хочется сделать... Елку зажечь, вроде как у путных людей.

Староста поглядел на Митрича и с укором покачал головой.

- Ты что, старик, из ума, что ли, выжил? - проговорил он, продолжая качать головой. - Ах, старина, старина! Свечи-то небось перед иконами горели, а тебе их на глупости дать?

- Ведь огарочки, Никита Назарыч...

- Ступай, ступай! - махнул рукою староста. - И как тебе в голову такая дурь пришла, удивляюсь!

Митрич как подошел с улыбкой, так с улыбкой же и отошел, но только ему было очень обидно. Было еще и неловко перед церковным сторожем, свидетелем неудачи, таким же, как и он, старым солдатом, который теперь глядел на него с усмешкой и, казалось, думал: "Что?

Наткнулся, старый хрен!.." Желая доказать, что он не "на чай" просил и не для себя хлопотал, Митрич подошел к старику и сказал:

- Какой же тут грех, коли я огарок возьму? Сиротам прошу, не себе... Пусть бы порадовались... ни отца, стало быть, ни матери... Прямо сказать: божьи дети!

В коротких словах Митрич объяснил старику, зачем ему нужны огарки, и опять спросил:

- Какой же тут грех?

- А Никиту Назарыча слышал? - спросил в свою очередь солдат и весело подмигнул глазом. - То-то и дело!

Митрич потупил голову и задумался. Но делать было нечего. Он приподнял шапку и, кивнув солдату, проговорил обидчиво:

- Ну, так будьте здоровы. До свиданьица!

- А каких тебе огарков-то?

- Да все одно... хошь самых махоньких. Одолжили бы горсточку. Доброе дело сделаете. Ни отца, ни матери... Прямо - ничьи ребяташки!

Через десять минут Митрич шел уже городом с полным карманом огарков, весело улыбаясь и торжествуя.

Ему нужно было зайти еще к Павлу Сергеевичу, переселенческому чиновнику, поздравить с

праздником, где он рассчитывал отдохнуть, а если угостят, то и выпить стаканчик водки. Но чиновник был занят; не повидав Митрича, он велел сказать ему "спасибо" и выслал полтинник.

"Ну, теперь ладно! - весело думал Митрич. - Теперь пускай говорит баба, что хочет, а уж потеху я сделаю ребятишкам! Теперь, баба, шабаш!"

Вернувшись домой, он ни слова не сказал жене, а только посмеивался молча да придумывал, когда и как все устроить.

"Восемь детей, - рассуждал Митрич, загибая на руках корявые пальцы, стало быть, восемь конфет..."

Вынув полученную монету, Митрич поглядел на нее и что-то сообразил.

- Ладно, баба! - подумал он вслух. - Ты у меня посмотришь! - и, засмеявшись, пошел навестить детей.

Войдя в барак, Митрич огляделся и весело проговорил:

- Ну, публика, здравствуй. С праздником!

В ответ раздались дружные детские голоса, и Митрич, сам не зная чему радуясь, растрогался.

- Ах вы, публика-публика!.. - шептал он, утирая глаза и улыбаясь. - Ах вы, публика этакая!

На душе у него было и грустно и радостно. И дети глядели на него тоже не то с радостью, не то с грустью.

IV

Был ясный морозный полдень.

С топором за поясом, в тулупе и шапке, надвинутой по самые брови, возвращался Митрич из леса, таща на плече елку. И елка, и рукавицы, и валенки были запушены снегом, и борода Митрича заиндевила, и усы замерзли, но сам он шел ровным, солдатским шагом, махая по-солдатски свободной рукой. Ему было весело, хотя он и устал.

Утром он ходил в город, чтобы купить для детей конфет, а для себя водки и колбасы, до которой был страстный охотник, но покупал ее редко и ел только по праздникам.

Не сказываясь жене, Митрич принес елку прямо в сарай и топором заострил конец; потом приладил ее, чтобы стояла, и, когда все было готово, потащил ее к детям.

- Ну, публика, теперь смирно! - говорил он, устанавливая елку. - Вот маленько оттаает, тогда помогайте!

Дети глядели и не понимали, что такое делает Митрич, а тот все прилаживал да приговаривал:

- Что? Тесно стало?.. Небось думаешь, публика, что Митрич с ума сошел, а? Зачем, мол, тесноту делает?.. Ну, ну, публика, не сердись! Тесно не будет!..

Когда елка согрелась, в комнате запахло свежестью и смолой. Детские лица, печальные и задумчивые, внезапно повеселели... Еще никто не понимал, что делает старик, но все уже предчувствовали удовольствие, и Митрич весело поглядывал на устремленные на него со всех сторон глаза.

Затем он принес огарки и начал привязывать их нитками.

- Ну-ка, ты, кавалер! - обратился он к мальчику, стоя на табуретке. Давай-ка сюда свечку... Вот так! Ты мне подавай, а я буду привязывать.

- И я! И я! - слышались голоса.

- Ну и ты, - согласился Митрич. - Один держи свечки, другой нитки, третий давай одно, четвертый другое...

А ты, Марфуша, гляди на нас, и вы все смотрите... Вот мы, значит, все и будем при деле. Правильно?

Кроме свечей, на елку повесили восемь конфет, зацепив за нижние сучки. Однако, поглядывая на них, Митрич покачал головой и вслух подумал:

- А ведь... жидко, публика?

Он молча постоял перед елкой, вздохнул и опять сказал:

- Жидко, братцы!

Но, как ни увлекался Митрич своей затеей, однако повесить на елку, кроме восьми конфет, он ничего не мог.

- Гм! - рассуждал он, бродя по двору. - Что бы это придумать?..

Вдруг ему пришла такая мысль, что он даже остановился.

- А что? - сказал он себе. - Правильно будет или нет?..

Закурив трубочку, Митрич опять задался вопросом:

правильно или нет?.. Выходило как будто "правильно"...

- Детишки они малые... ничего не смыслят, - рассуждал старик. - Ну, стало быть, будем мы их забавлять...

А сами-то? Небось и сами захотим позабавиться?.. Да и бабу надо попотчевать!

И не долго думая Митрич решился. Хотя он очень любил колбасу и дорожил всяким кусочком, но желание угостить на славу пересилило все его соображения.

- Ладно!.. Отрежу всякому по кружочку и повешу на ниточке. И хлебца по ломтику отрежу, и тоже на елку.

А для себя повешу бутылочку!.. И себе налью, и бабу угощу, и сироткам будет лакомство! Ай да Митрич! - весело воскликнул старик, хлопнув себя обеими руками по бедрам. - Ай да затейник!

V

Как только стемнело, елку зажгли. Запахло топленным воском, смолой и зеленью. Всегда угрюмые и задумчивые, дети радостно закричали, глядя на огоньки. Глаза их оживились, личики зарумянились, и, когда Митрич велел им плясать вокруг елки, они, схватившись за руки, заскакали и зашумели. Смех, крики и говор оживили в первый раз эту мрачную комнату, где из года в год слышались только жалобы да слезы. Даже Аграфена в удивлении всплескивала руками, а Митрич, ликуя от всего сердца, прихлопывал в ладоши да

покрикивал:

- Правильно, публика!.. Правильно!

Затем он взял гармонику и, наигрывая на все лады, подпевал:

Живы были мужики,

Росли грибы-рыжики,

Хорошо, хорошо,

Хорошо-ста, хорошо!

- Ну, баба, теперь закусим! - сказал Митрич, кладя гармонику. Публика, смирно!..

Любуясь елкой, он улыбался и, подперев руками бока, глядел то на кусочки хлеба, висевшие на нитках, то на детей, то на кружки колбасы, и наконец, скомандовал:

- Публика! Подходи в очередь!

Снимая с елки по куску хлеба и колбасы, Митрич оделил всех детей, затем снял бутылку и вместе с Аграфеной выпил по рюмочке.

- Каков, баба, я-то? - спрашивал он, указывая на детей. - Погляди, ведь жуют сиротки-то! Жуют! Погляди, баба! Радуйся!

Затем опять взял гармонику и, позабыв свою старость, вместе с детьми пустился плясать, наигрывая и подпевая:

Хорошо, хорошо,

Хорошо-ста, хорошо!

Дети прыгали, весело визжали и кружились, и Митрич не отставал от них. Душа его переполнилась такую радостью, что он не помнил, бывал ли еще когда-нибудь в его жизни этакий праздник.

- Публика! - воскликнул он, наконец. - Свечи догорают... Берите сами себе по конфетке, да и спать пора!

Дети радостно закричали и бросились к елке, а Митрич, умилившись чуть не до слез, шепнул Аграфене:

- Хорошо, баба!.. Прямо можно сказать правильно!..

Это был единственный светлый праздник в жизни переселенческих "божьих детей".

Елку Митрича никто из них не забудет!

1897